

СВИДАНИЕ С МУЗОЙ ИСТОРИИ

Книга Евгения Гропянова «Атаман» сразу обратила на себя внимание читателей. Удивляться не приходится: это первое произведение на историческую тему, принадлежащее перу камчатского автора.

Исторический жанр — один из самых сложных и трудных: он требует большой культуры, обширных познаний, интуиции при воссоздании далекого прошлого. Вот почему встречается этот жанр вообще не очень часто. Тем приятнее, что свидание с музой Истории — Клио — состоялось на нашей камчатской земле.

Известно, что произведения на историческую тему оцениваются с позиций современности. Зачем обратился автор к истории? Что хочет показать и что доказать? Что привлекло его внимание — судьбы народа или придворные интриги?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Хронологические рамки повести Евгения Гропянова «Атаман» охватывают небольшой период отечественной истории — переходное десятилетие на рубеже двух веков — XVII и XVIII. Именно в 1696—1706 годах было осуществлено присоединение Камчатки к Российскому государству в результате поступательного массового движения русского народа в Сибирь и на Дальний Восток. В его оценке автор исходит из высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, отмечавших прогрессивную роль русского народа по отношению к Востоку (см. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 27, изд. 2, стр. 241).

Причина, вызвавшая великий поход «встречь солнцу» — резкое усиление эксплуатации крестьян, попавших в крепо-

стную зависимость. Не завоевательные и грабительские цели, а стремление избавиться от жестокого крепостного права и самодержавного ига пробудило могучий поток казацкой вольницы на Восток, где еще можно было сохранить личную свободу и независимость от помещиков.

Представителем этой, народной, угнетенной России в повести является простой казак Степан, то ли холмогорский, то ли архангельский мужик-пахарь. Через всю Сибирь он пронес — сохранил в тряпиче горсть ржаных зерен, чтобы посеять их на Камчатке, научить местных жителей земледелию. Символична и правдива картина первой совместной пахоты русского мужика Степана и корякской девушки Имиллю.

«Медленно и неуверенно сделал первый шаг Степан. Бечева будто зазвенела, и он почувствовал: Имиллю правильно поняла его наставления. Соха вонзилась в землю и подняла первый пласт. От вскопавшей душу радости Степан запел певуче, неровно, с придыханием.

Недолго продолжалась пахота — много ли земли нужно для горстки зерна. И когда Степан вновь взял свой узелок и с осторожностью кинул каждое в землю, почувствовал: жить ему на этой земле до скончания века своего».

И хотя мы точно не знаем, так ли все было, и хотя казак, бросивший отряд свой ради возделывания камчатской земли, — художественный вымысел, мы верим в нарисованный Е. Гропяновым образ чувствующую правду жизни, правду истории. Да, русский мужик пришел на берега Тихого океана не как разоритель, не как завоеватель, а как рачительный хозяин и смело поселился здесь, среди диких племен в своих зимовьях и острожках

навеки. Минули века, волны времени смыли царей и цариц, и обнаружился зримый итог его трудов — обжитый край русской земли. В этой мысли — патриотический пафос повести Евгения Гропянова, ее высокий идейный строй.

Известно, что Московское государство сначала преследовало казаков, пытаясь вернуть беглых крепостных их владельцам. Однако затем было признано необходимым образовывать Якутское воеводство, чтобы отсюда направлять казацкие отряды на Восток — приводить «под высокую государеву руку» неясных людей где лаской, а где и «воинским поведением».

Представителем этой, государственной России в повести выступает приказчик Анадырского острога старший пятидесятник Владимир Атласов. Это он первым понял: «Надо камчатскую землю прежде других присвокупить к державе Российской». Это он организовал на свой страх и риск большой поход на Камчатку. И он же приказал, как знак присоединения полуострова к России, поставить «крест с исторической надписью: «1697 году июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Владимир Атласов с товарищи 55 человек».

Автор прав, настойчиво подчеркивая государственный склад ума Владимира Атласова, что проглядывает в ясном понимании задач своей службы («Россию с востока охранить»), целей похода («Камчатку за Россией крепко держать надо»), методов осуществления политики («всюду стараться мирными речами камчадалцев под царскую высокодержавную руку призывать»). Мы не можем упрекнуть здесь автора в модернизации: ведь еще Петр I, познакомившись со «Скасками» — отчетами Атласова, обратил внимание на

широкий, подлинно государственный ум худародного казака. Что ж, в судьбе Владимира Атласова, как и в капле воды, отразилась вся эпоха — быстрая на расправу, щедрая на награду, встречавшая людей по одежке, провожавшая по уму.

Однако другой упрек автор должен принять: Атласов получился в повести однотонным, хотя реальный Атласов был личностью колоритной, яркой, сложной. Это прямо-таки исключительная в своей противоречивости фигура. Человек почти неграмотный, он дал обширное и точное географическо-этнографическое описание Камчатки. Видный исторический деятель, талантливый военачальник, с одной стороны, а с другой — жестокий, бесчеловечный тиран, корыстолюбец, занимавшийся разбоем на большой дороге.

Конечно, факты эти общеизвестны. Почему же одни из них не вошли в повесть, а другие смягчены? Дело, наверное, в том, что Евгений Гропянов, как мне кажется, попытался сблизить «государева человека» Владимира Атласова с атаманом Степаном Разиным. Но это не вяжется с характером исторического Атласова, который не вышел на роль крестьянского вождя. Да и нужды в таком сближении нет никакой: Атласов интересен нам, каков есть. А. С. Пушкин, тонко разбиравшийся в диалектике человеческого характера, назвал Атласова «камчатским Ермаком», и такое сближение закономерно: Атласов верно служил царю, как Ермак, Дежнев, Хабаров и тысячи других казаков. Это была потенциально взрывчатая среда, но далеко не каждый становился бунтарем, а тем более крестьянским вождем. Не стал им и Владимир Атласов, которого, по свидетельству С. П. Крашенинникова, его же товарищи «спящего и зарезали».

Говоря об историзме идейно-тематической основы повести Евгения Гропянова, следует подчеркнуть, что перед нами не хроника, воспроизводящая день за днем поход Атласова, не документальный жанр, а художественное произведение. И стало быть не одна только

муза истории должна выносить свой приговор.

Повесть «Атаман» обращает на себя внимание своей продуманностью во всех частях, выверенностью характеров и обстоятельств, точностью обстановки и деталей, экономностью слова. Движение сюжета, сцепление характеров подчинены раскрытию образа главного героя — Владимира Атласова. Правда, этот закон литературы реализуется не всегда последовательно, и тогда автору приходится прибегать к «хитрым» ходам, чтобы удержать внимание читателя: таковы вставная легенда, будто бы придуманная Атласовым, его разговоры с приказным дьяком в Москве и др. Хотя образ Степана, как я уже отмечал, самая большая удача автора в целом, отношения Степана и Имиллю воспринимаются как отзвук «Кавказского пленника» Л. Н. Толстого. Все это, а также некоторые стилистические огрехи, можно было бы поправить до выхода книги в свет.

В общем же следует сказать, что повесть «Атаман» — значительное явление в «камчатской литературе». В том, что удача пришла к Евгению Гропянову не случайно, мы убеждаемся, читая его рассказы, помещенные вместе с повестью. Наибольший интерес представляет рассказ «Легче утопить в море акулу». Речь идет о центральном эпизоде Второй Камчатской экспедиции — плавании отважных «российских Колумбов» к американскому континенту, который на этот раз был открыт с севера. Фабула и сюжет рассказа (в данном случае они совпадают) — последнее плавание Беринга на пакетботе «Св. апостол Петр», каким оно предстает из дневника штурмана Свена Вакселя. Но Евгения Гропянова интересует не фактическая сторона плавания — тяжелого, трагичного и победного — а личность человека, который вел за собой людей на подвиг. Характер командора очерчен скупой, может быть, даже слишком сурово, но точно.

Автору удалось показать, почему именно Беринг оказался во главе одного из самых грандиозных предприятий петровской эпохи. В чем же его

нравственная сила? В негибкости, несокрушимости духа. Это была цельная личность. Современников поражали не только обширные познания Витуса Беринга, его воинский талант (он участвовал во всех сражениях со шведами) и выдающееся штурманское искусство, но и духовные качества: доброжелательность, честность, справедливость, доверие к подчиненным. В то время это встречалось не часто. Никогда, даже в самых критических ситуациях, его не покидали рассудительность и выдержка.

Встретив множество непредвиденных препятствий (штормы и морозы, боярские козни и равнодушие властей, непонимание и зависть), Беринг не опустил рук, не впал в отчаяние, но с железным упорством и «с крайним разумением» (Г. Стеллер) преодолел все трудности. Участники экспедиции с уважением называли его Витязем или, на русский лад, Иваном Ивановичем.

Таков был знаменитый командор, так трактует его образ и Евгений Гропянов, подчеркивающий мудрость, спокойствие, внутреннюю силу Беринга, который, как опытный режиссер, всегда умеет вовремя вмешаться и вовремя отойти в сторону, предоставив подчиненным действовать самостоятельно, инициативно. Эта черта Беринга многих вводила в заблуждение: его заслуги пытались приписать то Алексею Чирикову, то Ивану Елагину, хотя за их спиной всегда стояла могучая фигура командора.

Евгений Гропянов написал интересную и нужную книгу. Рассказы о достойных страницах нашей российской старины, без сомнения, найдут своего заинтересованного и благодарного читателя, прежде всего среди юных краеведов и следопытов, будут способствовать воспитанию у молодежи чувства гордости за свой народ, за его величайшие свершения. Словом, первая книга Евгения Гропянова многообещающая. Будем ждать новой встречи с ее автором.

Б. ВЕЛИЧКО,
кандидат исторических наук.

Е. Гропянов. Атаман. Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства. Петропавловск-Камчатский, 1973 г., тираж 15 000.